

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Д. Нагишкин

МАЛЬЧИК ЧОКЧО

ДЕТГИЗ • 1950

К Н И Г А З А К Н И Г О Й

Д. НАГИШКИН

МАЛЬЧИК ЧОКЧО

(Амурские сказки)

Рисунки автора

~~РЕДАКЦИЯ
художества оформления
Получ. 19 1~~

Государственное Издательство Детской литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1950 Ленинград

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об
этой книге присылать по адресу:
Москва 47, ул. Горького, д. 43,
Дом детской книги.

КНИЖКА 37

КНИЖКА 37

1937

~82 2009

МАЛЬЧИК ЧОКЧО

За себя как не постоять! Как за родича не постоять! Разве обидчику простить можно?

Жил в одной деревне нанаец Бельды. Был у него сынок, по имени Чокчо. Совсем маленький сынок — едва ходить умел.

Всю зиму Бельды охотился. Много пушнины — мехов — накопил. И соболей у него был, и белка, и лисица, и нерпа, и медведь, и колонок, и волк. Смотрит на меха Бельды и радуется:

— Вот поеду в Никанское царство — в город Сань-Син, — меха продам, еды, припасов на целую зиму накуплю. Сетку новую куплю, ружьё, порох, патроны, игрушки.

Летом, и верно, собрался Бельды в Сань-Син ехать.

Просит его сынок:

— Возьми меня с собой, отец!

Подумал Бельды — дорога опасная, могут разбойники напасть. Мало ли что в дороге случиться может.

— Что ты, сын, — говорит Бельды, — как это можно, чтобы в доме мужчины не осталось! Кто же будет мать да сестрёнок защищать? Надо тебе остаться.

Уехал Бельды.

Много времени прошло. Чокчо за это время научился ножом владеть. Сидит стругает: ложку сделал, лодку маленькую сделал, оленя из дерева вырезал, нарты, медведя, собачек. Много разных игрушек сделал... А отца всё нет!

Вот уже листья на деревьях пожелтели, трава повяла. А Бельды всё не едет домой.

Потом из соседнего стойбища приехали люди.

Сделала мать Чокчо кушанье — мось, угостила приезжих юколой.

Сидели, сидели они, курили, курили, юколу ели, ели, потом говорят:

— Мы вместе с Бельды в Сань-Син ездили. Торговали. Обратно вернулись...

— А где отец? — спрашивает Чокчо.

Друг на друга поглядели люди.

— Твой отец, — говорят, — торговал с одним человеком, по имени Лян. Тот у Бельды всю пушнину купил. Пошёл Бельды к этому маньчжу, чтобы рассчитаться, и не вернулся. Не купец, оказалось, Лян, а разбойник. Всю пушнину у Бельды взял, его убил... Вот какое дело вышло.

— Почему же вы за отца не заступились? — спрашивает Чокчо.

Говорят люди:

— У того Ляна-маньчжу большая шайка. А нас мало. Не могли мы за твоего отца заступиться — побоялись: люди Ляна нас догнать могли, товары отнять и убить могли...

— Плохо вы сделали, — говорит Чокчо.

Обиделись люди, сели в лодку и уехали.

Стала мать Чокчо плакать, сестрёнки тоже заплакали. До того плакали, что у них совсем глаза запухли.

— Что теперь будет с нами?

Но делать нечего — слезами Бельды не вернёшь! А жить надо. Поплакали, заплакали они да за дело взялись. Старшая сестра копёе взяла, в тайгу пошла — охотиться. Младшая в лодку-оморочку села, по Амуру поехала — рыбу ловить. Мать дома осталась.

А Чокчо говорит матери:

— Сшей мне унты, испеки лепёшку. Пойду я Ляна искать. Найду — за отца отомщу, пушнину верну.

Говорит мать:

— Что ты, Чокчо! Куда ты пойдёшь? Ты маленький.

Посмотрел на неё Чокчо:

— Отец сказал, что я мужчина. А мужчины должны род защищать, врагу мстить должны.

Видит мать — Чокчо на своём стоит крепко, не отговаривать его. Испекла ему лепёшку, сшила ему унты.

Взял Чокчо свой нож, охотничью повязку на голову надел, юколы в мешок положил, унты на ноги надел, простился с сёстрами, с матерью и пошёл.

Шёл, шёл Чокчо, видит — на пути большой лес стоит. Деревья высокие-высокие. Сосны, дубы шумят в том лесу, вершинами качают. Конца-краю тому лесу нет. Не побоялся Чокчо. Идёт по лесу, лепёшку жуёт, ножом играет, песню поёт. Вдруг слышит голос:

— Куда идёшь ты, маленький нанаец?

Оглянулся Чокчо. Никого вокруг нет. А голос опять зовёт его. Отвечает Чокчо:

— Иду за отца мстить!

— Помоги мне, и я тебе помогу! Другом буду, — говорит тот же голос.

Увидал Чокчо: лежит на камне жолудь. Падал с дерева на землю, да упал на камень. Лежит и высыхает.

— Возьми меня с собой, — говорит жолудь. — Пригожусь...

Взял Чокчо жолудь, дальше пошёл.

Повстречал покинутую избушку. Остановился отдохнуть. Снял унты, ноги повыше положил. Лепёшку откусил. Вдруг слышит скрипучий-скрипучий голос:

— Куда ты идёшь, мужчина?

— За отца мстить! — говорит Чокчо. — А ты кто? Где ты?

— А я около тебя лежу.

Посмотрел Чокчо — у самого очага, в золе, вертел лежит, на котором охотники мясо жарят. Кто-то бросил вертел в огонь. Погнулся вертел, чуть не сгорел, окалиной покрылся. И ему Чокчо помог — окалину песком отчистил, направил его. Совсем вертел как новый стал.

— Спасибо, Чокчо. Ты мне помог, и я тебе помогу. Возьми меня с собой, — говорит мальчику вертел.

Взял Чокчо вертел с собой и пошёл дальше. Мимо покинутой рыбалки проходил — опять голос услышал. Спрашивают его, куда идёт. Ответил Чокчо. Увидал, что это мялка да колотушка, которыми рыбу кожу выделывают. Кто-то в мялку гвоздь вбил, а у колотушки черенок сломал. Вытащил Чокчо из мялки гвоздь, колотушке новый черенок сделал.

— Вот спасибо тебе, Чокчо! — говорят ему опять. — Ты нам помог, и мы тебе поможем. Возьми нас с собой.

Взял Чокчо мялку с колотушкой. Дальше пошёл.

Шёл, шёл, до ручья дошёл. Разлился ручей — дальше дороги нет. Как быть?

Тут слышит Чокчо — опять его зовут:

— Эй, помоги мне, и я тебе помогу! Другом буду.

Глядит Чокчо — вода берёзу подмыла, упала берёза, щуку придавила. Лежит щука под берёзой — ни взад, ни вперёд, хвостом виляет, а ходу нет. Совсем задыхается. Отвалил берёзу Чокчо, щуке волю дал. Говорит ему щука:

— Как ручей перейдёшь? Садись, перевезу.

Сел Чокчо на щуку. Вмиг на другом берегу оказался. Говорит ему щука:

— Возьми меня с собой, пригожусь.

Положил её Чокчо в мешок. Дальше пошёл.

Вот уже Амур видно. Вдруг видит Чокчо — в траве одна лыжа. «Вот жалко, — думает Чокчо, — хорошая лыжа, а одна!» А в это время и другую увидал. Далеко лежит

вторая, кто-то её в валежник бросил. Не поленился Чокчо, принёс вторую лыжу. Вместе лыжи сложил. А те и говорят ему человеческим голосом:

— Ты нам помог, и мы тебе поможем. Куда ты идёшь, маленький нанаец?

— За отца мстить иду! — говорит Чокчо. — Только мало сил у меня, не знаю — дойду ли... Путь далёкий. Как через Амур перейду?

Говорят ему лыжи:

— Это всё ничего. Становись, покатаем тебя — скорее дело пойдёт.

Рассмеялся Чокчо:

— Кто же по траве на лыжах ходит?

Однако на лыжи всё-таки стал. Выросли тут крылья у лыж. Поднялись они на воздух и полетели. Да быстро-быстро! Ветром чуть повязку с головы Чокчо не сорвало. Над Амуром полетели — точно голубая лента, вьётся река. Шuka в мешке завозилась, выглянула, под собой Амур увидала и говорит:

— Ну, молодец! Этак мы до Ляна скоро доберёмся.

А лыжи летят и летят. Только ветер свистит в ушах. Мелькают внизу реки, стойбища, леса. У Чокчо дыхание захватывает.

Примчали лыжи в Сань-Син.

Посмотрел Чокчо и испугался.

Стойбище большое-большое, домов много. Никогда Чокчо не думал, что в одном месте столько домов может быть: рядами стоят, один на другой поставлены; столько их, что и конца не видно. И народу тут множество великое. Шум от голосов такой стоит, будто буря деревья валит. Толкаются люди, кричат. Покупают, меняют, продают. Людей много, а знакомых нет. Стал Чокчо спрашивать, как к дому Ляна-маньчжу пройти. Смеются прохожие над мальчиком, не понимают. Кто ударит его, кто за косу дёрнет, кто накричит. На его счастье, проходил один старик, язык нанайцев знавший. Расспросил он Чокчо. Показал, где Лян-маньчжу живёт. Пошёл в ту сторону Чокчо.

Видит — красивый дом стоит. У крыши концы вверх загнуты. На концах серебряные колокольчики висят, звенят. В окнах прозрачная бумага вставлена. Вокруг дома деревья разные растут: вишни, яблони. Золотые птички на ветках сидят. Музыка играет повсюду. Ручьи меж деревьев струятся, журчат, будто потихоньку разговаривают.

Вошёл Чокчо в дом, кричит:

— Эй, Лян, выходи на бой! — и палку приготовил, чтобы с Ляном драться не на жизнь, а на смерть.

Не отвечает никто маленькому нанайцу. Видно, дома того человека нет.

Вошёл Чокчо в комнату Ляна. В золу очага жолудь сунул, чтобы полежал тот на мягком. В умывальный таз Ляна щуку пустил. Вертел около печки поставил. Мялку с колотушкой оставил у двери. Сел сам на нары, да и уснул.

Вечером вернулся домой Лян, весёлый, пьяный.

Захотел он в очаге огонь развести. Нагнулся над ним, угли стал раздувать. А тут жолудь как подскочит да как хватит Ляна в глаз! Взыл от боли Лян, кинулся к тазу с водой, чтобы глаза промыть. А щука из таза высунулась и цапнула Ляна за нос. Отскочил Лян от таза. А тут вертел ему в спину воткнулся. Совсем перепугался Лян. Кинулся к двери, чтобы убежать. А тут мялка с колотушкой за Ляна взялись. Принялись они колотить его, мять, обжимать так, что Лян и света не взвидел. И так мялка с колотушкой работала, пока из Ляна тонкую шкурку не сделали.

Проснулся Чокчо, спрашивает:

— Не пришёл Лян?

Отвечают ему друзья:

— Пришёл на свою голову! Смотри — какой он стал.

Посмотрел Чокчо. Видит — лежит белая мягкая шкурка, совсем на ровдугу похожая. Сказал спасибо своим друзьям Чокчо, пожалел только, что не сам с Ляном расправился.

Разыскал Чокчо в доме Ляна пушнину Бельды. Охотничий припас забрал, товары всякие, — сложил всё в шкуру Ляна. Собрал своих друзей: мялку с колотушкой, жолудь, щуку да вертел. Стал на свои лыжи.

83

550.8

Поднялись лыжи опять, полетели, как стрела. Под самым носом у Ляновых слуг пролетели.

Долетели лыжи до того места, где их Чокчо нашёл. Оставил их мальчик:

— Спасибо за помощь. Чужого мне не нужно.

Шуку в самую глубину ручья пустил. Колотушку и мялку у покинутой рыбалки оставил: пригодятся хозяину, коли вернётся. Вертел на старое место у костра положил. Жолудь в мягкую землю бросил, чтобы пророс тот и новое дерево из него выросло.

И пошёл Чокчо своей дорогой.

Домой вернулся богатый. Развернул он шкуру Ляна — удивились все в стойбище: как много в ту шкуру влезло!

Обрадовалась мать, сёстры обрадовались, что вернулся Чокчо. Целуют, обнимают его, от себя ни на шаг не пускают.

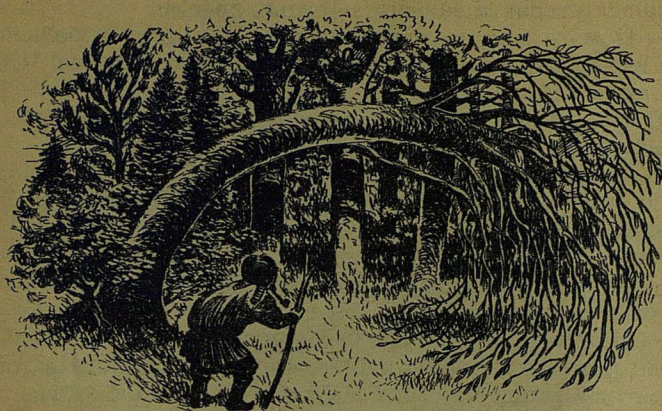
А Чокчо говорит, как мужчина и охотник:

— Мои унты совсем износились. Сшейте мне новые. Завтра я в тайгу пойду.

Сшили ему сёстры унты из шкуры Ляна.

Долго носились те унты, потому что нет на свете кожи крепче кожи обманщика и грабителя, которого жалость не проймёт и слёзы обиженных не тронут.

БЕРЕЗОВЫЙ СЫНОК

Беда, когда человек ленив да завистлив...

Жил в одной деревне старик. Был у него сын, по имени Уленда. Всем Уленда был хорош: и речистый, и плечистый, и сильный, и красивый — не парень, а загляденье! Вот только работать Уленда не любил. Ничего Уленда делать не хотел.

На охоту в тайгу пойдёт — как мох увидит, так спать заляжет.

Рыбачить отец Уленду погонит — сядет сын на берегу, на воду станет глазеть, так без дела и просидит целый день. Пошлёт его отец за оленями смотреть — Уленда на пенёк присядет, голову вверх задерёт, начнёт на небе облака считать — все олени и разбредутся.

Вот и выходило, что на старости лет приходилось отцу и себе и сыну еду промышлять.

Обидно стало старику. Все сыновья своих отцов кормят, уважают — только Уленда на шее у старика сидит.

Пошёл старик к зангину — судье, просит:

— Помоги мне, мудрый зангин! Не могу я больше сына взрослого кормить. Силы нет. Как быть, скажи. Что делать?

Думал, думал зангин — долго думал: сто трубок табаку выкурил, пока думал. Потом говорит:

— Ленивый сын хуже камня на шее. С сырой тетивой лук не выстрелит. Надо тетиву сменить. Другого сына тебе надо.

Заохал старик:

— Стар я стал. Где мне сына взять?

Говорит ему зангин:

— Иди завтра в тайгу. Там увидишь железную берёзу, что меж двух ильмов растёт. Ту берёзу сруби. На той берёзе твой младший сын растёт, в люльке малой качается. Вырасти его — будет тебе помощник!

Вот пошёл старик в тайгу. Шёл, шёл, видит — верно, меж двух ильмов железная берёза стоит.

Стал старик берёзу рубить. Раз ударил, два ударил... Топор поломал, а на берёзе даже зарубки нет. Вот это берёза! Устал старик. Лёг отдохнуть и заснул.

Видит сон. Подошёл будто к нему медведь и говорит: «Направо в распадке две речки текут: в одной реке вода белая, в другой реке вода красная. Красной воды в чумашку набери, ту берёзу сбрызни!» Проснулся старик. Поднялся. Пошёл те реки искать. Пока через буревал продирался, всю одежду в клочья изорвал: и халат, и накидку, и штаны, и унты.

В распадок спустился — верно, речки текут.

Набрал старик красной воды. Обратно пошёл.

До берёзки добрался, сбрызнул дерево красной водой. А рубить нечем — топор-то сломан.

Стал старик ту берёзку ножом пилить. Только один надрез сделал — покачнулась берёзка, на землю упала.

Видит старик — в том месте, где ствол раздвоился, висит колыбелька. В колыбельке ребёнок лежит. Мальчик, ростом не больше костяной иголки. Лицо широкое

как луна; глазки чёрные, как две бусинки блестят. Говорит себе старик:

— Ой-я-х! Долго же мне придётся ждать, пока сын мой названный подрастёт да меня кормить будет!

А берёзовый мальчишка ему в ответ:

— Дорогу начиная, не считай шагов, отец!

Перекинул старик люльку с сыном через плечо, на спину взвалил и пошёл домой.

Шёл, шёл... Что такое? Люлька с каждым шагом тяжелей становится. Пока до деревни старик дошёл, люлька все плечи ему оттянула. Спустил старик люльку на землю — не под силу нести! Смотрит — люлька большая-пребольшая выросла. И берёзовый мальчишка сильно подрос. Из люльки вылез, старику поклонился, говорит:

— Вот спасибо, отец, что на ноги поставил меня!

Пошли они вместе.

Назвал старик младшего сына Кальдукой.

Стали они жить: старик, Уленда и Кальдука.

Оглянуться старик не успел, как вырос Кальдука-сын, Уленду догнал. Работает за троих. И сильный и ловкий. Начнёт с кем-нибудь на палках драться — те и глазом моргнуть не успеют, как с пустыми руками окажутся. И стадо вдвое больше стало. И юколы в доме — не переест. И пушнины себе и на продажу — вдоволь.

А Уленда всё такой, как был. Чем больше лежит, тем ленивее становится. Лежит Уленда на нарах, а лень его всё растёт, уже и в доме не помещается...

Держал старик орлов. Одного — с красным клювом, другого — с чёрным. Каждую осень брал он у орлов хвосты. До сих пор хвост красного орла Уленде старик отдавал. А как появился у него работающий сынок Кальдука — отдал старик хвост красного орла Кальдуке. Говорит:

— Кальдука меня кормит — значит, он старший.

Промолчал Уленда. Обиду перетерпел, а на младшего брата злобу затаил. Стал думать, как берёзовому мальчишке отплатить, как ему худо сделать. И про лень свою забыл. Злоба его сильнее лени оказалась.

Стал Уленда у Кальдуки из капканов добычу таскать. Стал Уленда из сеток Кальдуки рыбу таскать.

Пошёл Кальдука к зангину:

— Найди вора, мудрец!

— Своего вора разве найдёшь? — говорит зангин.

Костёр развёл. На том костре кошку поджаривать стал. Закричала, перекосилась кошка. Говорит зангин:

— Пусть у вора кривое лицо станет, как у кошки этой.

Пусть будет как закон велит, тогда сам вора найдёшь.

Пошёл Кальдука домой. А Уленда в угол забился, тряпкой лицо завязал. Спрашивает его Кальдука:

— Что с тобой, брат?

— Ничего, — отвечает Уленда, — зубы болят.

Тут ветер налетел, повязку с лица Уленды сорвал. Все увидели, что у Уленды лицо кривое. Все увидели, что он вор. Стали называть его с тех пор Уленда-кривой.

Пуще прежнего возненавидел Уленда берёзового брата. Стал день и ночь думать, как бы ему Кальдуку извести, как бы его погубить. Однако, пока жив был старик, ничего не мог Уленда сделать.

Сколько-то времени прошло — заболел и умер старик. Устроили старику похороны. Сломал зангин копьё над стариком. В разные стороны концы бросил, чтобы душа охотника с телом рассталась. Похоронили старика.

Как-то говорит Уленда Кальдуке:

— Поедем, брат, на остров: сараны — цветка — наберём, сладких корешков поедим.

Поехали они в лодке — оморóчке. К острову подъехали. Младший брат пошёл сарану собирать, далеко от берега в тайгу ушёл. Вскочил Уленда в оморочку, уехал. Брата на острове бросил:

— Пусть его птица Кóри съест!

В те времена на Хехцёр-горе жила птица Кори. Большая, как туча. Когда птица Кори из гнезда вылетала — крыльями небо закрывала так, что становилось совсем темно. Беда тому, кто попадался птице Кори! Тех людей потом нельзя было нигде найти.

Походил, походил Кальдука по острову, на берег вернулся, глядит — Уленды нет. Кричал Кальдука, кричал, звал брата, звал — не отзывается тот. Поел Кальдука сладких корешков сараны и лёг спать, думает: «Завтра посмотрю, что можно сделать».

Закатилось солнышко. Птица Кори из-за Хехцира поднялась, небо заслонила — совсем темно стало. Летит птица, крыльями шумит — будто сильный дождь идёт. Свистит воздух — будто сильный ветер дует.

Проснулся Кальдука. Испугался. Схватился за лук.

А птица Кори уже над ним. Клювом щёлкает. Глаза у неё, как два костра, горят.

Выстрелил Кальдука. Только зря — железные перья на птице. Схватила Кори Кальдуку когтями, говорит:

— Загадай мне три загадки. Если отгадаю — тебе смерть. Если не отгадаю — домой тебя отнесу!

Подумал Кальдука, подумал — согласился, загадал:

— Что, что, что такое: на скале лягушка сидит, спрыгнуть не может?

Думала, думала Кори, не могла отгадать.

— Это нос на лице, — говорит тогда Кальдука.

Загадал Кальдука вторую загадку:

— Что, что, что такое: из одного места вышел, куда хотел — пришёл, а как шёл — не отвечает?

И опять Кори не отгадала.

— Это стрела, — говорит ей Кальдука.

И третью загадку задаёт он птице Кори:

— Что, что, что такое: сто парней на одной подушке спят и не ссорятся?

Не могла и эту загадку птица Кори отгадать.

— Это жерди на крыше, — говорит Кальдука.

Схватила тут птица Кальдуку, подняла на воздух. Долго ли летела — не знаю. У родного дома опустила Кальдуку на землю. Пришёл он домой. Увидал его Уленда, побледнел от страха, мелкой дрожью затрясся, говорит:

— Меня от острова ветер унёс. Такая буря поднялась, что не мог я выгрести...

Смолчал Кальдука.

Стали братья дальше жить. Кальдука промышляет, а Уленда-кривой на боку лежит. Злоба его не утихает. Думал он, думал и говорит Кальдуке:

— Соскучился я по нашему отцу. От людей я слышал, что если мёртвому губы помазать слюной змеи Симу, оживёт мертвец. Вот хорошо бы нашего отца оживить!

— А где та змея? — спрашивает Кальдука-сын. — Как ту змею найти?

— В верховьях речки Хор, — говорит Уленда.

Оседлал Кальдука олешка, сел на него и поехал. Долго ли ехал — кто знает! На поваленном ильме тридцать раз выросли грибы за это время. Доехал Кальдука. Оленя на берегу оставил, по холке рукой хлопнул — в дерево обратился. Пошёл. До стойбища дошёл. Видит — тоже орочи живут, только печальные очень. Спросил Кальдука, почему печалются они. Отвечают ему, что напоздаёт на их стойбище змея Симу, людей пожирает, юрты сжигает.

— Как же так? — говорит Кальдука. — Неужели никто из вас убить ту змею не может?

— Пробовали, — отвечают ему орочи, — но только как дохнет та змея огнём, так у людей руки отсыхают, а без рук, сам знаешь, разве можно что-нибудь сделать?

Подумал Кальдука, говорит:

— Попробую я — может, у меня не отсохнут!..

Отточил он копьё, нож направил, в стойбище котёл чугунный взял и пошёл в тот лес, где змея Симу жила. Мохом обвязался. В котёл древесной смолы набрал. В речку окунулся, мокрый стал. О котёл принялся копьём стучать. Шум поднял большой. Услыхала Симу тот шум, выползла из своей норы. Ползёт, шипит. За змеей красный след остаётся: трава и камни горят.

Увидала змея Кальдуку. Пламенем на него дохнула.

Защитил Кальдуку от огня мокрый мох. Размахнулся Кальдука изо всей силы и бросил в пасть змее свой котёл чугунный, смолой наполненный... Растопилась смола, залила Симу глотку. Забилась змея и издохла. Белая пена

4795

n52

Cup-550p

пошла у неё из пасти вместо огня. Набрал Кальдука этой пены и обратно пошёл. Вдруг слышит — трещат деревья. Дымится тайга, звери оттуда бегут, и птицы стаями прочь полетели. Говорят орочи Кальдуке:

— Беда, сынок! Ты убил Симу, теперь её брат Химу идёт за сестру мстить. Беда!

— Ничего! — говорит Кальдука. — Беда, когда на плечах головы нет.

Взял он семь чугунных котлов. Один другим накрыл, сам под нижний залез.

Налетел тут Химу. Всё трясётся вокруг. Земля дрожит, с неба щепки сыплются. Увидал он котлы, кинулся на них да как ударит!.. Шесть котлов головой пробил, а седьмого не осилил — голову разбил. Зашипел Химу и пополз в тайгу — умирать! Вылез Кальдука из-под котлов. Окружили его орочи. Радуются, что такого богатыря увидели, что от змей Симу избавились. В свой род Кальдуку приглашают, сыном хотят назвать. Девушки ороческие поглядывают на него: любая замуж бы за такого парня вышла. Говорят ему старики:

— Живи с нами.

— Нет, мне домой надо, — отвечает Кальдука-сынок.

Поправилась ему в этом стойбище девушка одна. Пошёл он с нею гулять. До берега реки дошли. На дерево сели. Говорит Кальдука:

— Будь моей женой, девушка! Со мной поедem!

Хлопнул Кальдука рукой — обернулось дерево оленем. Полетел олень в родное стойбище Кальдуки.

Уленда дома песни поёт, думает — пропал Кальдука.

А Кальдука тут как тут, да ещё с молодой женой!

Пуще прежнего озлился Уленда-кривой на брата. Думает про себя: «Лучше мне не быть, а Кальдуку я изведу и жену его себе заберу».

Пошёл Кальдука к зангину — судье. Рассказал всё. Сказал, что принёс он слюну змеи Симу, чтобы отца оживить, как того Уленда-кривой хотел. Говорит ему зангин, одну трубку выкурив:

— Ты, берёзовый мальчишка, того не знаешь, что люди по два раза не рождаются. Зачем старика тревожить? И не за тем тебя Уленда посылал, а за смертью!

Взял зангин слюну змеи и бросил в реку. Забурлила река, зашипела, белый пар пошёл от воды. Множество рыбы кверху брюхом всплыло. Мёртвая рыба стала.

— Вот видишь! — говорит зангин. — Этой слюной убил бы тебя Уленда-кривой.

Потом посмотрел зангин на Уленду-кривого.

— Иди ты, Уленда, в тайгу, — говорит. — Не место тебе среди людей. Не любишь ты людей... Иди в тайгу. Там в одиночку таёжные люди живут. Будь тем, кто ты есть в душе.

И пошёл Уленда в тайгу. Пока шёл — шерсть выросла на нём. На руках и ногах — когти. Сначала на двух ногах Уленда шагал, потом на четырёх побежал. Медведем стал Уленда-кривой.

А Кальдука-сынок хорошо с женой зажил. Детей у него много было. И во всём ему удача была...

Давно это было. Столько лет назад, что если по пальцам считать, то во всём стойбище у стариков столько пальцев не найдёшь. Надо у ребят занимать. А ребята бегают, не даются. Вот и узнай, когда это было!..

53

100 p

АЙОГА

Жил в роду Самáров один нанаец — Ла. Была у него дочка, по имени Айога́. Красивая была девочка Айога. Все её очень любили. И сказал кто-то, что красивее дочери Ла никого нету — ни в этом и ни в каком другом стойбище. Загордилась Айога, стала рассматривать своё лицо. Понравилась сама себе, смотрит — и не может оторваться, глядит — не наглядится. То в медный таз начищенный смотрится, то на своё отражение в воде.

Ничего делать Айога не стала. Всё любит себя собой. Ленивая стала Айога.

Вот один раз говорит ей мать:

— Пойди воды принеси, Айога!

Отвечает Айога:

— Я в воду упаду.

— А ты за куст держись.

— Куст оборвётся, — говорит Айога.

— А ты за крепкий куст возьмись.

— Руки поцарапаю...

Говорит Айоге мать:

— Рукавицы надень.

— Изорвутся, — говорит Айога.

А сама всё в медный таз смотрится: ах, какая она красивая!

— Так зашей рукавицы иголкой.

— Иголка сломается.

— Толстую иголку возьми, — говорит отец.

— Палец уколою, — отвечает дочка.

— Напёрсток из крепкой кожи — ровдуги — надень.

— Напёрсток прорвётся, — отвечает Айога, а сама — ни с места.

Тут соседская девочка говорит:

— Я схожу за водой, мать.

Пошла девочка на реку и принесла воды сколько надо.

Замесила мать тесто. Сделала лепёшки из черёмухи. На раскалённом очаге испекла. Увидела Айога лепёшки, кричит матери:

— Дай мне лепёшку, мать!

— Горячая она — руки обожжёшь, — отвечает мать.

— А я рукавицы надену, — говорит Айога.

— Рукавицы мокрые.

— Я их на солнце высушу.

— Покоробятся они, — отвечает мать.

— Я их мялкой разомну.

— Руки заболят, — говорит мать. — Зачем тебе трудиться, красоту свою портить? Лучше я лепёшку той девочке отдам, которая своих рук не жалеет.

И отдала мать лепёшку соседской девочке.

Рассердилась Айога. Пошла на реку. Смотрит на своё отражение в воде. А соседская девочка сидит на берегу, лепёшку жуёт. Стала Айога на ту девочку оглядываться, и вытянулась у неё шея: длинная-длинная стала. Говорит девочка Айоге:

— Возьми лепёшку, Айога. Мне не жалко.

Совсем разозлилась Айога. Замахала на девочку руками,

пальцы растопырила, побелела вся от злости — как это она, красавица, надкушенную лепёшку съест! — так замахала руками, что руки у неё в крылья превратились.

— Не надо мне ничего-го-го! — кричит Айога.

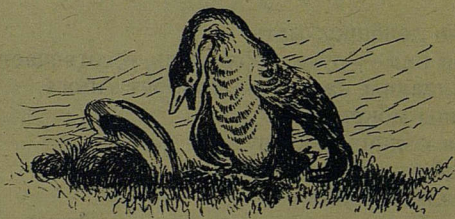
Не удержалась на берегу, бултыхнулась в воду Айога и превратилась в гуся. Плавает и кричит:

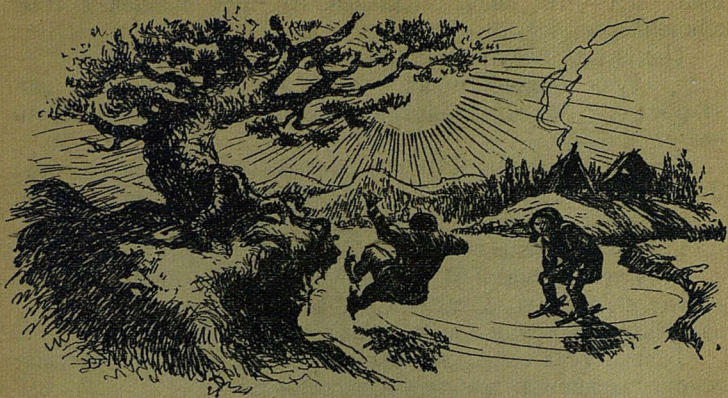
— Ах, какая я красивая! Го-го-го! Ах, какая я красивая!..

Плавала, плавала, пока по-нанайски говорить не разучилась. Все слова забыла.

Только имя своё не забыла, чтобы с кем-нибудь её, красавицу, не спутали; и кричит, чуть людей завидит:

— Ай-ога-га-га! Ай-ога-га-га!

САМЫЙ СИЛЬНЫЙ

Побежали зимою нанайские ребята на лёд кататься. Сначала играли, катались. Потом подрались.

Один мальчик, Наめка, побил другого, Курбу́. Побил он Курбу и стал хвастаться:

— Я самый сильный тут. Все вы должны мне поклониться.

Тут поскользнулся Наめка, упал и разбил себе затылок. Говорит ему Курбу:

— Вот, значит, ты не самый сильный, если лёд побил тебя. Видишь — кровь идёт. Поклонись льду.

Спросил Наめка лёд:

— Эй, слушай, лёд, есть ли кто-нибудь сильнее тебя?

— Есть, — говорит лёд: — солнце сильнее меня. Как пригреет оно — я таять стану. Поклонись солнцу.

Пошли мальчики к солнцу. Долго шли. Наконец пришли. Говорит Наめка солнцу:

— Эй, отец! Я побил Курбу, лёд побил меня, ты расто-

пишь лёд — ты, значит, сильнее нас. Вот пришёл я тебе поклониться.

Подумало, подумало солнце.

— Туча сильнее меня, — говорит оно Намеке: — как закроет она землю, станет холодно — и лучи мои сквозь неё не пройдут...

Пошли мальчишки к туче. Забрались на высокую гору. Вокруг туман, сырость, холод. Пока до тучи добрались, мокрые стали, ледяной коркой покрылись.

Говорит Намека туче:

— Слушай, мать! Я сильнее Курбу, лёд сильнее меня, солнце сильнее льда, ты сильнее солнца — значит, ты сильнее всех. Вот пришёл я тебе поклониться.

Только туча собралась ответить — подул ветер, загулял вокруг, засвистел, зашумел и рассеял тучу.

Вот только сейчас холодно, сыро было, в двух шагах ничего не видно. И вдруг стало тепло, светло, ударила радуга, солнышко засияло, и весь Амур — от верховьев до лимана — видно стало как на ладони.

Закричал тогда Намека ветру:

— Слушай, ветер! Я побил Курбу, лёд разбил мне затылок, солнце растопило лёд, туча закрывает солнце, ты разогнал тучу — ты, значит, сильнее нас всех. Вот, кланяюсь я тебе.

Поклонился Намека. А Курбу спрашивает у ветра:

— Ты гору сможешь ли сдвинуть с места?

Стал ветер дуть. Но сколько ни надувал он щёки, гора стояла, как прежде. Только песчинки с её вершины полетели.

— Э-э, — сказал Намека, — много же тебе времени нужно будет, чтобы гору передвинуть с места на место! Гора-то, выходит, сильнее тебя!

Поклонились мальчишки горе.

— Гора, гора! — сказал тут Намека. — Ты, что ли, сильнее всех на свете?

Покряхтела гора, подумала.

— Нет, — говорит, — дерево сильнее меня. Оно растёт

w 20

50 p

на моей спине и своими корнями разрывает меня. Оно и от ветра меня защищает.

Поклонился Намека дереву:

— Эй, слушай, дерево! Я побил Курбу, лёд побил меня, солнце побило лёд, туча побилла солнце, ветер побил тучу, гора побилла ветер, ты побиваешь гору. Ты, что ли, сильнее всех?

Зашумело листьями дерево.

— Да, я сильнее всех! — говорит.

— Ну, это ты врёшь! — сказал в ответ Намека. Взял в руки топор и срубил дерево.

Тут все поклонились Намеке: и гора, и ветер, и туча, и солнце, и лёд.

С тех пор и пошло считаться, что человек сильнее всех на свете.

н 21

100 р

200 р

БЛИЗНЕЦЫ

Это не так давно было. Есть ещё старики, которые помнят это. Правда, мало таких стариков уже осталось.

Были в роду у Бельды близнецы: Удога и Чубак. Известно, что когда близнецы рождаются — это очень хорошо. Тому роду большое счастье близнецы приносят. Вот живут себе Удога и Чубак. Дети как дети, ростом невелики, а умом стариков обогнали. Пять зим только и прошло всего, а Удога и Чубак уже на охоту пошли. И всё им удавалось. И лесные и водяные люди близнецов любили, во всём братьям помогали, во всяком деле удачу посылали.

Вот случился как-то плохой год: зверя мало стало, рыба плохо шла. Стали говорить старики, что место менять надо, что на этом месте черти зверя и рыбу распугали. Послушал Удога стариков, говорит:

— Чем место плохое?

Тетиву своего маленького лука натянул, вокруг посмот-

рел, в тайгу стрелу свою послал. Улетела стрела. Долго ли летала — не знаю, потом вернулась, сама Удоге в колчан легла, на старое место. А за стрелой прилетели птицы: утки, гуси, перепёлки — и у ног Удоги легли. Посмотрели старики — все птицы в левый глаз ранены. Переглянулись: «Если так всегда будет — не останемся мы без мяса!»

Тут Чубак старикам говорит:

— Чем плохое место?

Бросил одной рукой сетки в воду. Потонули сетки сразу.

«Ну, — думают старики, — водяной чорт сетки утащил».

Подождали немного. Вдруг забурлила река, закипела, пузырями вспенилась. Сунул тогда Чубак руку в воду, сетки ухватил и вытащил. Сколько было узелков в сетках, столько рыбы вытащил Чубак. Посмотрели старики друг на друга: «Э-э, если каждый раз так будет — не останется деревня без рыбы!»

Спрашивает тут Чубак женщин:

— В прошлом году на какой стороне у кеты икры было больше?

— На левой, — отвечают Чубаку.

— Так, значит, в этом году рыба под левым берегом идёт, — говорит Чубак. — Примечать надо. Вы на правом берегу ловили, вот и показалось вам, что рыбы нету, что ушла рыба.

Тогда и Удога говорит:

— Птица и зверь за рыбой ходят. Надо было на другом берегу промыслить.

Стали старики во всём совета у близнецов спрашивать. И всё шло хорошо.

Только вскоре опять беда стряслась! Наехал с чужого берега маньчжурский нойон — начальник. С солдатами, с пушками наехал. Требуется Бельды дань — с каждого человека по соболю, по выдре да по лисице!

Запечалились Бельды. Вовек никому дани не платили, а тут на-ко тебе... А ничего не поделаешь, у косатого маньч-

жу — сила! Одних солдат в два раза больше, чем всех Бельды.

Пошли старики к близнецам. Совета просят. Посмотрели Удога и Чубак друг на друга. Говорит Удога:

— Дань не платите, не маньчжурские мы люди — мы амурской земли-воды люди! Вот пойдём мы к тому нойону...

Женщины в деревне плач подняли.

— Как можно! — кричат они. — Тот маньчжу-нойон худой человек. Убьёт он близнецов — счастье наше убьёт!

Как ни кричали женщины, пошли Удога и Чубак к тому нойону. Сидит нойон в большом сампане — лодке расписной. На широком помосте сидит. Над нойоном шатёр шёлковый колыхается. Вокруг стража стоит. У плахи палач кривой меч точит. Нойон правую руку на подушку положил. Ногти на руках у него длинные-длинные, до полу достают, загнулись, перекрутились, каждый в серебряный футляр вставлен. Чистят ногти нойону пять девушек-невольниц. Толстый писец с большой книгой у ног нойона сидит.

Увидал нойон близнецов, говорит:

— Что здесь нанайским ребятам надо?

Посмотрел писец, до земли перед нойоном склонился:

— Эти детки прибежали сказать, благородный нойон, что придут сейчас нанайские старики, ту дань принесут, что велел ты с них взять.

Ещё пуще заважничал нойон. Нос кверху задрал. В небо голубое смотрит, чтобы на нанайских стариков не глядеть, глаза себе не портить. Ждал, ждал... Шея у него заболела, а нанайских стариков всё нет.

Говорит тут Чубак:

— Не придут старики, благородный нойон! Бельды да ни никому не платили. В своих реках рыбу ловили, в своей тайге зверя били, по своей земле ходили, своим воздухом дышали. Им смешно дань платить. Платить станут — смеяться будут. Так чтобы тебя не обидеть, они вовсе не пришли. А мы маленькие, мы ничего не понимаем... Вот подарки тебе принесли, нойон.

Высыпал Удога из кисета горсть амурской земли:

— Прими, нойон, горсть нашей земли, если тебе своей мало.

Вынул Чубак из чумашки глаз совы:

— Прими, нойон, и мой дар — глаз совы. Тогда и ночью ты сможешь увидеть, что на Амуре храбрые люди живут.

Вытащил Удога перо из хвоста орла с красным клювом:

— Прими, нойон, пожелание, чтобы жил ты столько лет, сколько живёт орёл, и чтобы тебя, как орла, все боялись. Только на Амуре страха перед тобой не будет.

Высыпал из чумашки Чубак горсть золы:

— Пусть обратятся в золу все твои враги! Пусть золой покроются все злые мысли твои против амурских людей!

Удивился нойон тому, как разговаривают маленькие нанайцы. Испугался: если дети такие, то какие же у нанайцев воины и мужчины! Виду нойон не показал, страх свой скрыл. На близнецов закричал:

— Завтра пошлю солдат своих к Бельды! Огню предам всех мёртвых, а живых мёртвыми сделаю!

Поклонился ему Удога:

— Твоя воля, благородный нойон, только завтра тебе удачи не будет. Лучше сегодня сделай то, что сказал.

Не послушался нойон. Переждал ночь. В поход собрался. Тут полил такой дождь, что берега исчезли из виду и все дороги развезло. Пошли солдаты нойона, да чуть в грязи не утонули. Порох в ружьях у них отсырел. Возвратились солдаты.

— Солнце вчера в тучу садилось, — говорит Удога: — к ливню. Примета верная!

Прошла непогода. Усеялось небо звёздами. Говорит нойон:

— Завтра к деревням Бельды поплыву. Всех уничтожу. Всех живых мёртвыми сделаю, все дома в пепел обращу!

— Твоя воля, благородный нойон, — говорит Чубак, — только завтра тебе удачи не будет. Сделай сегодня то, что сказал.

Переждал нойон ночь. С утра велел поднять паруса на всех сампанах — плыть к Бельды.

Налетело тут от заката чёрное облако с белым венцом — и такая буря поднялась, что в жизни своей не видал нойон такой бури. Заплескался Амур. Волны до неба поднялись, облака до земли спустились. Дунул ветер один раз — все паруса на сампанах порвал. Дунул ветер второй раз — все вёсла и мачты поломал. Едва-едва сампаны целы остались. Счастье, что третий раз ветер не дунул.

Говорит Чубак:

— Вчера звёзды сильно мерцали: к буре это.

Сидит нойон сердитый. Халатом закрылся, ни на кого смотреть не хочет, никого к себе не подпускает. От злости все ногти себе переломал. Всех девушек своих разогнал. Писца своего палкой исколотил.

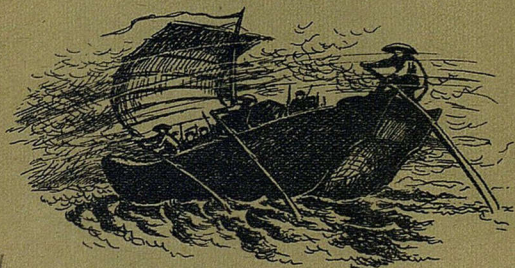
Подошли к нему близнецы. Говорят:

— До сих пор мы тебе говорили, благородный нойон. Теперь ты нам скажи. Вот ты видел, что мы свою землю знаем и не зря с неё дань свою собираем: рыбу, пушнину, птицу берём. Как же ты хочешь дань собирать с земли, которой ты не знаешь?

Побледнел нойон, думает: «Как справлюсь я с народом, у которого даже мальчишки такие умные!»

Поехал назад на свою сторону маньчжу-нойон.

Это не так давно ещё было. Ещё есть старики, которые тех близнецов помнят. А может быть, они о тех близнецах от своих отцов слыхали. Кто знает!

96

100 p

СОДЕРЖАНИЕ

Мальчик Чокчо	3
Берёзовый сынок	11
Айюга	20
Самый сильный	23
Близнецы	27

4795

200 =
Цена 1 руб.

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор С. Миримский. Художественный редактор Г. Вебер.
Технический редактор Т. Добровольнова. Корректоры А. Враныч и
А. Ясиновская.

Сдано в набор 7/II 1950 г. Подписано к печати 3/III 1950 г. 2¼ п. л. (1,4 уч.-изд. л.).
28 800 экз. в печ. л. Тираж 300 000 экз. А02222. Заказ № 220.

Фабрика детской книги Детгиза, Москва, Сушевский вал, 49.